

Переход от заключительного периода эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Северном Причерноморье*

Резюме. Кризисные состояния особенно характерны для пограничья историко-археологических эпох, в том числе для переходного времени от бронзового века к железному. Эти сравнительно короткие, но бурные периоды отличаются поисками новых путей социально-экономической адаптации, упадком одних и бурным расцветом других культур, активизацией миграционных процессов, рождением новых этносов. В эти узловые, насыщенные динамизмом периоды социально-экономическое развитие древних обществ многократно ускорялось. Убедительным подтверждением этого положения являются археологические материалы XI–IX вв. до н. э. Северного Причерноморья, представленные памятниками белозерской, киммерийской и некоторых других культур. Довольно хорошая археологическая изученность этого региона делают его своеобразным «эталоном» при изучении процесса перехода степного населения от заключительного периода эпохи поздней бронзы к раннему железному веку.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, финал эпохи поздней бронзы, ранний железный век, белозерская культура, ранние кочевники.

Makhortyh S. V. Final Bronze — Early Iron Age transition in the North Black Sea region. Crisis conditions are rather typical for the boundaries between historical-archaeological epochs, including the period of the Bronze to Iron Age transition. This relatively short, but turbulent time was characterized by a search for new ways of socio-economic adaptation, the decline and astounding growth of cultures, activation of migration processes, and formation of new ethnic groups. The socio-economic development of ancient societies sharply accelerated during these focal dynamic periods, as is evidenced by the archaeological materials of the 11th — 9th centuries BC from the Northern Black Sea area, represented by the sites of the Belozerskaya, Cimmerian and some other cultures. The relatively good state of archaeological exploration in this region make it a model area for the study of the transition of steppe population from the Final Bronze to Early Iron Age.

Keywords: North Black Sea region, Final Bronze Age, Early Iron Age, Belozerskaya culture, early nomads.

Конец эпохи бронзы на обширных просторах Евразии связан с переходом к кочевому скотоводству. Несмотря на близость исторической ситуации, региональные особенности обуславливали формирование различных культурных образований. В связи с этим первоочередной задачей в изучении эпохи

*Автор выражает благодарность SNF-SCOPES за поддержку этой публикации, которая подготовлена в рамках проекта IZ7320-128248.

перехода к раннему железному веку становится детальное и углубленное исследование отдельных регионов с последующим сопоставлением полученных результатов.

Возникновение кочевого скотоводства имело определенные хозяйственно-технологические предпосылки, конкретный побудительный стимул и социально-политический фон (Хазанов 2002: 214). Хозяйственно-технологическими предпосылками являются такие изменения скотоводческого хозяйства, которые делают его потенциально способным и готовым к переходу к кочевому скотоводству. Но эти предпосылки могли реализоваться только при наличии побудительного стимула, которым в большинстве случаев являлись изменения климата. Социально-политический фон мог облегчить или затруднить преодоление присущих номадизму экономических и социальных трудностей.

Период финальной бронзы в степях Северного Причерноморья связан с населением белозерской культуры. Ее погребальные памятники обладают яркой спецификой, одним из проявлений которой является сочетание курганного и бескурганного обряда погребения, зафиксированного в могильниках Казакия, Будуржель, Широкое, Брилевка, Первомаевка, Компанийцы. Объясняется этот биритуализм по-разному.

По мнению В. В. Отрощенко, деление захоронений на подкурганые и грунтовые является отражением социальной дифференциации белозерского общества, которое обладало достаточно сложной социальной структурой и переживало завершающую стадию разложения первобытнообщинных отношений (Отрощенко 1979: 86–87). Материалы богатых подкурганых захоронений со сложным погребальным обрядом свидетельствуют о выделении родоплеменной знати, когда честь быть погребенным в кургане становится привилегией меньшинства.

Вместе с тем, по данным В. П. Ванчугова, в Северо-Западном Причерноморье наблюдается несколько иная картина, поскольку сравнение материалов курганых и грунтовых захоронений демонстрирует лишь незначительные различия (Ванчугов 1990: 55). Так, в Казаклийском могильнике открыт целый ряд погребений в грунтовых ямах сложной конструкции с богатым набором инвентаря. В то же время большое количество основных погребений в белозерских курганах Северо-Западного Причерноморья совершено в простых неглубоких ямах и не имеет инвентаря или сопровождается одним сосудом. Исходя из этого, вопрос о градации курганых и грунтовых могильников рассматривался В. П. Ванчуговым с этнокультурных позиций (Ванчугов 1990: 129–131). Отмечая инновационный характер таких элементов погребальной обрядности белозерских племен, как смена ориентировки, появление грунтовых погребений, смешанных курганно-грунтовых могильников, он связывал их появление с проникновением в Северное Причерноморье инокультурных групп населения, и, в частности, населения культуры Ноа.

Близкой точки зрения придерживается Г. Н. Тощев, указавший, что сосуществование в белозерской культуре грунтовых и курганых памятников отражает две линии в этнокультурном развитии белозерского населения (Тощев 1992: 29). Появление в обряде захоронения белозерской культуры бескурганых могильников с преобладанием южной ориентировки он, вслед за А. И. Мелюковой, связывает с фракийскими традициями Карпато-Дунайского региона

(Мелюкова 1979: 39), где, однако, господствующими были грунтовые захоронения с трупосожжениями. Данное обстоятельство, наряду с существованием грунтовых могильников срубной культуры в Нижнем Подонье и Поволжье, заставляет обратить внимание на гипотезу, объясняющую грунтовый обряд захоронения в Северном Причерноморье срубными традициями (Лесков 1975; Качалова 1985: 28 сл.; Шарафутдинова 1985: 147).

По нашему мнению, важное значение для объяснения существования в белозерской культуре нескольких погребальных традиций имеют два обстоятельства: во-первых, комплексная оседло-земледельческая направленность хозяйства белозерского населения и, во-вторых, сам характер белозерской эпохи. Последняя являлась переходной не только от бронзового к раннему железному веку, но также переходным временем от складывающегося на протяжении многих столетий оседлого быта и способа ведения хозяйства к кочевому образу жизни (Makhortykh 2003: 35–39). Многие исследователи отмечали кризисные явления в экономике белозерского населения Северного Причерноморья XII–X вв. до н. э. Они проявляются в сокращении численности оседлых обитателей южной части степной зоны (примерно десятикратное уменьшение количества поселений), деградации строительного дела, сокращении бронзолитейного производства, возрождении кремневой индустрии и т. д. Приведенные данные свидетельствуют об упадке оседлого земледельческо-скотоводческого уклада белозерского населения и, прежде всего, земледелия. С другой стороны, увеличившаяся по сравнению с предыдущим периодом роль лошади у населения Северного Причерноморья (данные археозоологии), наряду с иными факторами, создавала предпосылки для перехода к полукочевому и кочевому скотоводству, которое вскоре распространилось на огромных степных просторах Евразии.

В конце эпохи поздней бронзы в рамках обширной Евразийской металлургической провинции (и Северное Причерноморье не было здесь исключением) наблюдалась кардинальная передислокация производящих центров и изделий в лесостепные области Европы и Азии, и, напротив, резкое обеднение степной зоны (Агапов 1990: 15). Это, в конечном итоге, способствовало переориентации связей и преобладанию в дальнейшем «восточного», главным образом, кавказского направления в снабжении металлом, теперь уже не столько причерноморских, сколько литейщиков Днепровского лесостепного Правобережья и Левобережья (Махортых 2005).

В эпоху финальной бронзы нарушился существовавший до этого баланс комплексного хозяйства, в рамках которого стало усиливаться скотоводческое направление, постепенно приобретавшее подвижные формы, при одновременно нарастающем кризисе земледелия. Этот сложный процесс, как нам представляется, и нашел свое отражение в погребальной обрядности белозерской культуры. Именно переходным состоянием белозерской экономики, наложившим свой отпечаток на идеологические представления, следует объяснять биритуализм погребального обряда белозерского населения.

Кризисные состояния со значительными социально-экономическими последствиями особенно характерны для пограничья историко-археологических эпох, в том числе для переходного времени от бронзового века к железному. Эти сравнительно короткие, но бурные периоды отличаются наиболее

упорными и целенаправленными поисками новых путей социально-экономической адаптации, упадком одних и бурным расцветом других культур, активизацией миграционных процессов, рождением новых этносов и т. д. В эти узловые, насыщенные динамизмом периоды социально-экономического развитие древних обществ многократно ускорилось.

Сказанное выше подчеркивает важность изучения переходных эпох в археологии. В этой связи хотелось обратить внимание на работу Г. Б. Здановича и В. К. Шрейбера, которые рассматривали особенности переходной эпохи на примере развития культур андроновской общности в эпоху поздней бронзы (Зданович, Шрейбер 1991: 88–92). Изменения климата в Урало-Казахстанском регионе на рубеже II–I тыс. до н. э., как и в Северном Причерноморье, привели к сокращению посевных площадей и уменьшению количества тепла, необходимого для созревания злаков, что, в конечном итоге, способствовало переходу к кочевому скотоводству. Этот переход был рождением нового типа качественно-количественных зависимостей и совершался в виде скачка. Однако, как замечают Г. Б. Зданович и В. К. Шрейбер, такой скачок нельзя представлять в виде разового одновременного акта. Его следует рассматривать как серию одноплановых скачков. Если переход отдельного семейного производственного коллектива к кочевому образу жизни сравнительно быстр, то серия таких изменений, развернутая по всему региону, составляет определенную длительность. Наиболее сильные семейно-производственные коллективы саргаринско-алексеевской культуры «до конца» держались за традиционные формы хозяйства. Обедневшие коллективы, участки которых больше всех пострадали от изменений климатических условий, были вынуждены переходить к кочевому скотоводству. Резкое размежевание традиционных и новых форм ведения хозяйства, а также их сосуществование при использовании различных экологических ниш почти на два столетия определили специфику культурно-исторического развития степей Урало-Казахстанского региона.

Отметим и точку зрения К. А. Акишева, который связывал широкое распространение параллельных обрядов погребения в андроновских памятниках Казахстана со скотоводческо-земледельческими истоками хозяйства андроновского общества (Акишев 1959: 10). Близкого мнения придерживался и М. К. Кадырбаев (1974: 37). Следует также упомянуть погребальные комплексы Измайловского могильника из Восточного Казахстана, содержащие материалы переходного периода, связанного с памятниками завершающего этапа бегазы-дандыбаевской культуры, на котором появляются характерные черты обряда ранних кочевников (Ермолаева 2008: 83–100).

Значительный интерес представляют древности эпохи бронзы Нижнего Поволжья, указывающие на то, что население позднерубной культуры хоронило своих умерших как в курганах, так и грунтовых могильниках (Шилов 1975: 110). Отмечая существование в эпоху срубной культуры двух укладов хозяйства — скотоводческо-кочевнического и оседлого земледельческо-скотоводческого, — В. П. Шилов полагает, что кочевники практиковали курганный способ погребения своих умерших, в то время как оседлое население создавало грунтовые могильники.

О биритуализме в погребальном обряде и связи его с переходными периодами свидетельствуют примеры из позднескифской истории IV–III вв. до н. э.,

когда имел место обратный процесс: переход части кочевников от подвижного скотоводства к оседлому образу жизни. Показательны в этом отношении материалы могильника скифского времени у с. Николаевка в Нижнем Поднестровье, где на одной территории сочетаются курганные и бескурганные погребения, причем обнаруженные в курганах простые могильные ямы по размерам и форме не отличаются от грунтовых (Мелюкова 1975).

Сказанное, однако, не означает, что многие другие известные нам примеры сосуществования на одном могильном поле двух или более обрядовых групп обязательно свидетельствуют о какой-либо переходной эпохе. Например, причинами, главным образом, этнополитического характера объясняется сочетание курганного и бескурганного обряда захоронения в некрополях греческих городов античной эпохи или в ряде северокавказских могильников скифского времени. Так, на Келермесском могильном поле Л. К. Галанина исследовала два разноэтничных кладбища: скифское (курганное) и меотское (грунтовое) (Галанина 1985: 156–165). Обе группы населения, несмотря на тесный политический союз, сохраняли верность своим традициям в области религиозно-идеологических представлений, что и нашло свое отражение в их погребальных обрядах. Приведенные примеры, список которых можно было бы продолжить, убеждают в необходимости дифференцированного подхода к анализу смешанных курганно-грунтовых некрополей.

Возвращаясь к древностям Северного Причерноморья, следует отметить, что процесс перехода к кочевому способу ведения хозяйства сопровождался здесь существенными изменениями погребальной обрядности, которые нашли отражение в исчезновении крупных стационарных могильников белозерского времени, насчитывающих десятки и даже более сотни погребений. Вместо этого повсеместно распространяются одиночные впускные захоронения в курганы более древних эпох. Погребальные сооружения представлены подбоями и разнообразными грунтовыми ямами, в которых располагались лежавшие скорченно на боку или вытянуто на спине скелеты, ориентированные в широтном и меридиональном направлениях. Что касается инвентаря, выявленного в наиболее ранних кочевнических захоронениях I тыс. до н. э., то прослеживается его близость с посудой и украшениями белозерской культуры (рис. 1–4). Иными словами, можно говорить о хронологическом стыке и частичном сосуществовании в какой-то, скорее всего, непродолжительный, отрезок времени ранних кочевников (киммерийцев) и местного восточноевропейского населения эпохи поздней бронзы.

Перечисленные выше, а также некоторые другие, четко фиксируемые по данным археологии признаки (отсутствие поселений, распространение инноваций в погребальном обряде и материальной культуре — биметаллические мечи и кинжалы, конские уздечные наборы и пр.) являются довольно показательными и маркируют наступление в северопричерноморских степях новой киммерийской эпохи.

Надежность реконструкции событий далекого прошлого во многом зависит от имеющихся в распоряжении науки источников. Сравнительно хорошая археологическая изученность Северного Причерноморья и соседних территорий предоставляет нам такую возможность и позволяет рассматривать этот регион в качестве своеобразного «эталоны» при изучении процесса перехода степного

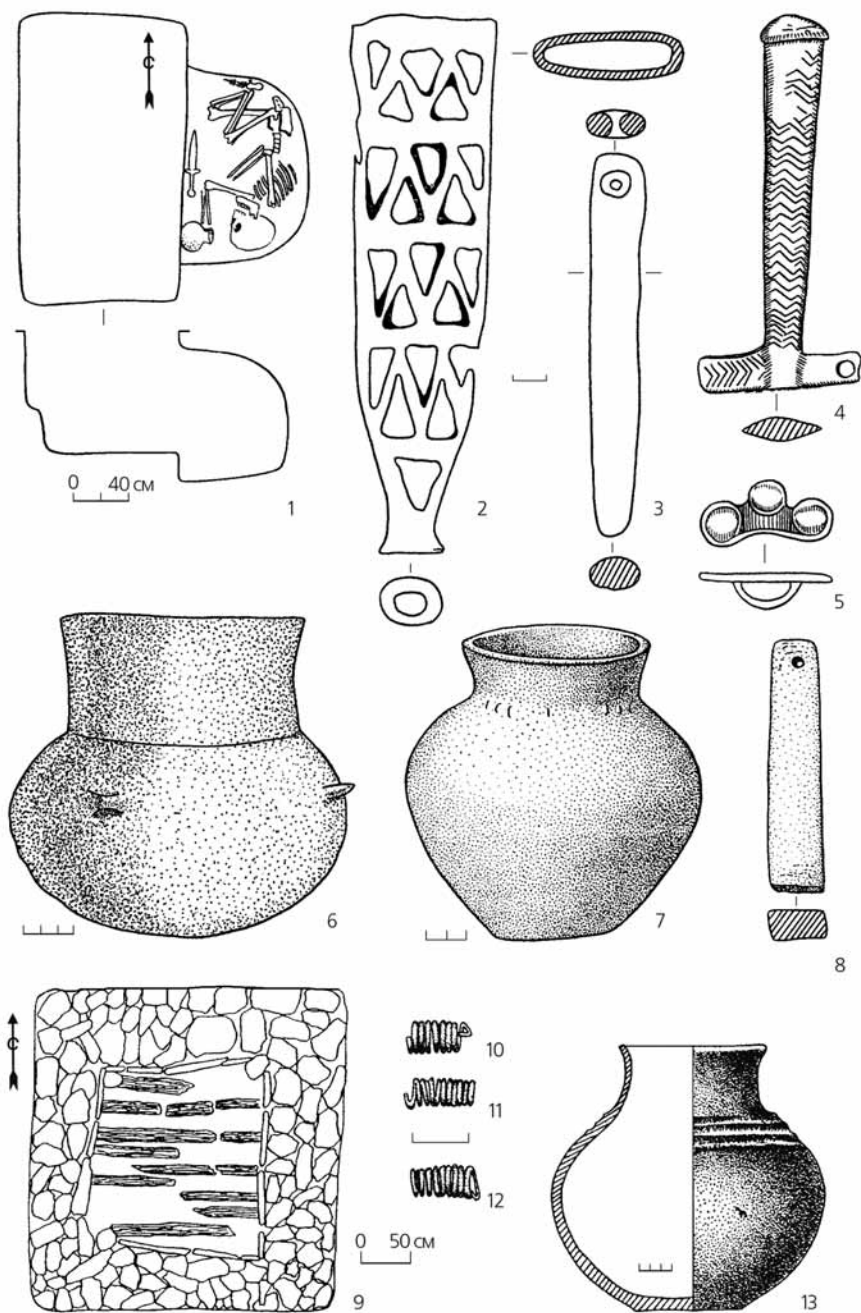

Рис. 1. Киммерийские погребения Суворовского могильника: 1, 5–8 — курган 5, погребение 2; 2–4 — курган 5, погребение 1; 9–13 — курган 6, погребение 1.

Fig. 1. Cimmerian burials of the Suvorovo cemetery: 1, 5–8 — barrow 5, grave 2; 2–4 — barrow 5, grave 1; 9–13 — barrow 6, grave 1.

Рис. 2. Архаические киммерийские погребения и материалы, близкие их инвентарю: 1–10 — Гура-Быкулуй, курган 5, погребение 1; 11 — Приозерное 1; 12–15 — Аккермень, курган 11, погребение 9; 16 — Васильевский могильник.

Fig. 2. Archaic Cimmerian burials, and materials similar to their inventory: 1–10 — Gura-Bykuluj, barrow 5, grave 1; 11 — Priezernoe 1; 12–15 — Akkermen, barrow 11, grave 9; 16 — Vasil'evka cemetery.

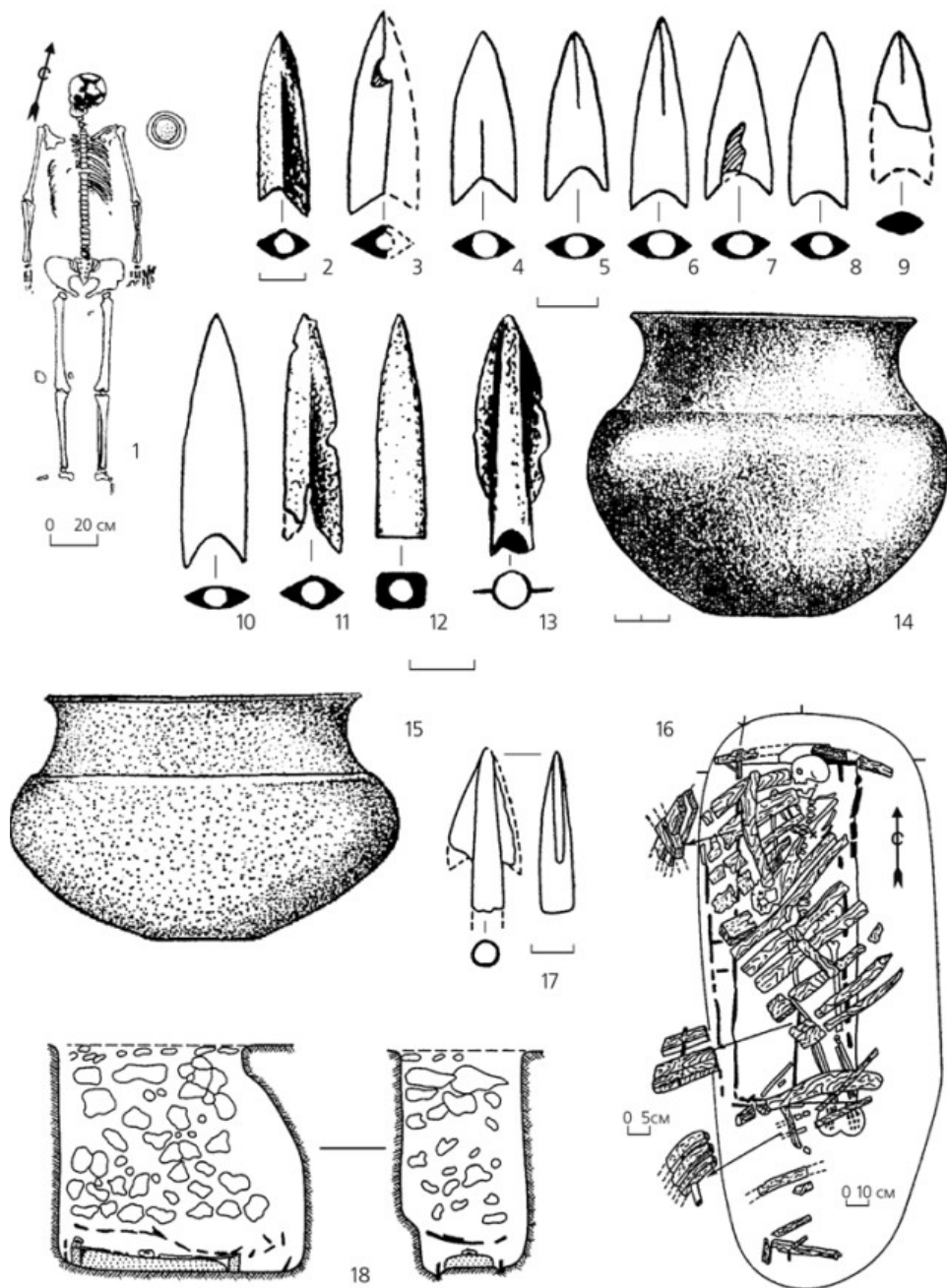

Рис. 3. Ранние киммерийские погребения и материалы, близкие их инвентарю: 1–14 — Соколово, курган 5, погребение 9; 15 — Васильевский могильник; 16–18 — Холмское, курган 2, погребение 3.

Fig. 3. Early Cimmerian burials, and materials similar to their inventory: 1–14 — Sokolovo, barrow 5, grave 9; 15 — Vasil'evka cemetery; 16–18 — Kholmское, barrow 2, grave 3.

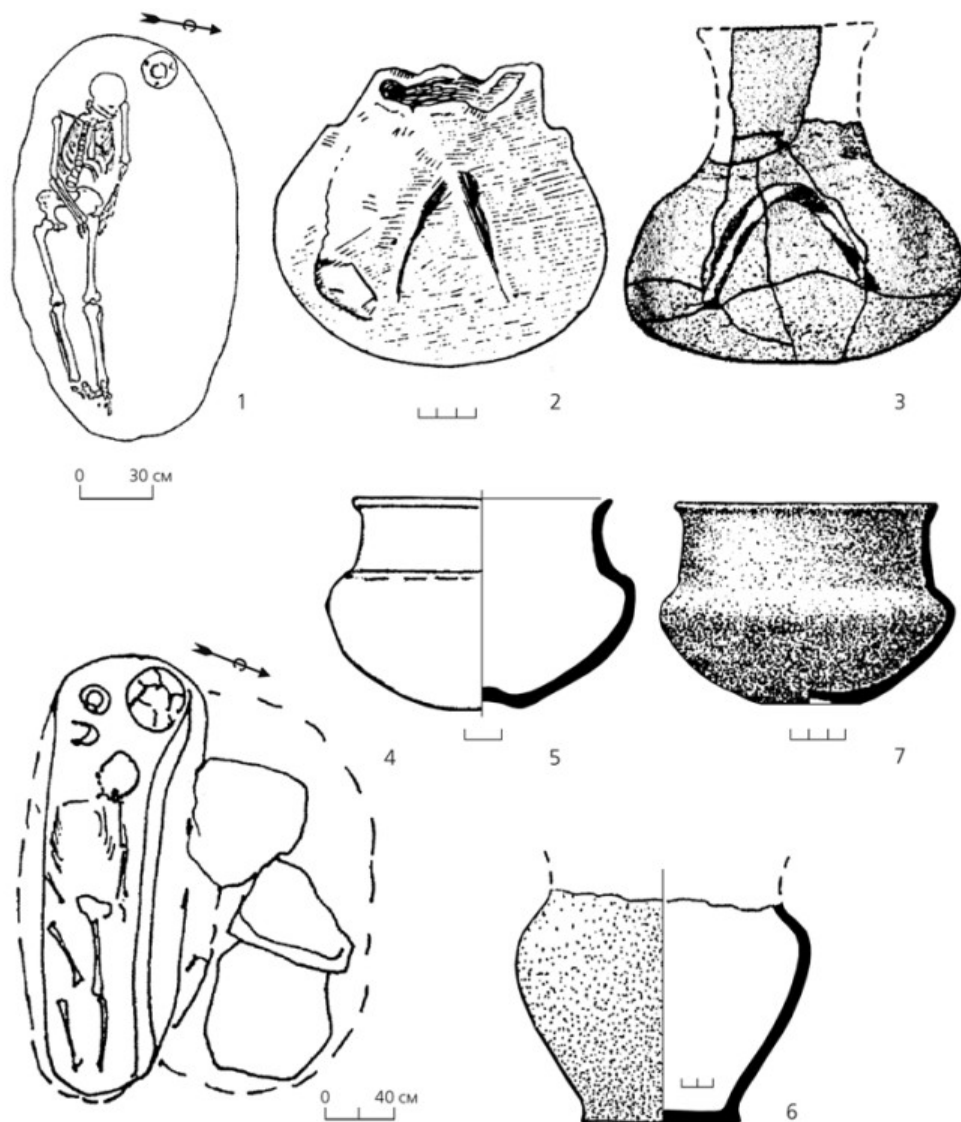

Рис. 4. Архаические киммерийские погребения и материалы, близкие их инвентарю: 1–2 — Первомаевка, курган 3, погребение 4; 3 — Сивашовка; 4–6 — Виноградный Сад, курган 6, погребение 2; 7 — Казаклия.

Fig. 4. Archaic Cimmerian burials, and materials similar to their inventory: 1–2 — Pervomaevka, barrow 3, grave 4; 3 — Sivashovka; 4–6 — Vinogradniy Sad, barrow 6, grave 2; 7 — Kazakliya.

населения от заключительного периода эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. Вместе с тем, юг Восточной Европы является также важным индикатором, чутко реагирующим на процессы, происходившие в «глубинных» районах Азии. И чем значительнее и масштабнее были эти события, тем более заметное отражение они находили на западных рубежах евразийского континента.

Мы не исключаем, что определенную роль в формировании киммерийских древностей юга Восточной Европы сыграло влияние из восточных районов Евразии. Однако проявления, характер и степень этого предполагаемого влияния на современном уровне исследований являются трудноуловимыми и археологически фиксируются слабо. Выявленные в обширнейшем восточноевразийском ареале материалы X–VIII вв. до н. э. еще явно недостаточны и фрагментарны, поэтому составить на их основе достаточно полное представление об своеобразии локализующихся там раннекочевнических образований и истоках их материального комплекса мы пока не можем. Заслуживает также внимания и вывод о том, что археологические источники не подтверждают существование миграции с востока, которая послужила основой сложения культуры предскифского времени на Нижнем Дону (Лукьяшко 1999: 193–194).

До сих пор остается открытым и вопрос о датировке X–IX вв. до н. э. так называемых оленных камней западной части евразийских степей — наиболее надежных «свидетелей» проникновения в Северное Причерноморье носителей протоскифской культуры, предположительно приведшей к распространению здесь черноморовских памятников (Мурзин, Клочко 1987: 18). Поскольку большинство выявленных на этой территории «киммерийских» стел представлено случайными находками, то их культурно-хронологическая принадлежность спорна. В тех же редких случаях, когда находки монументальной скульптуры могут быть надежно связаны с погребальными комплексами (Белоградец, Гумарово), они соотносятся с иным кругом археологических памятников, свидетельствующих о распространении на юге Восточной Европы в VII в. до н. э. нового (скифского) населения из восточных районов Евразии (Савинов, Членова 1978: 72 сл.; Исмагилов 1988: 46). Довольно показательной является точка зрения такого авторитетного исследователя, как М. П. Грязнов. По его мнению, в начале I тыс. до н. э. на обширных пространствах степного пояса, протянувшегося от Карпат почти до Тихого океана, произошел переход от оседлости к кочевому скотоводству. В связи с этим имели место более или менее значительные перемещения населения. Но не это, по мнению ученого, определяло основное направление прогресса в экономике и культуре степных народов. Эпохальные отличия в это время были более значительны, чем этнические, и довольно трудно уловить, какие группы населения куда переселялись, кто, откуда и что заимствовал. Ясно лишь, что на обширных просторах Евразии синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры. Но каждая из них довольно самобытна и оригинальна. При широком межплеменном обмене отдельные культурные приобретения того или иного племени получают всеобщее распространение (Грязнов 1980: 59).

Все сказанное свидетельствует о сложности культурно-исторических процессов, имевших место в степях Северного Причерноморья в переходное время от финальной бронзы к началу предскифского периода. Вместе с тем, имеющиеся в настоящее время данные позволяют продвинуться вперед в изучении этих процессов и наметить пути их дальнейшего исследования.

Литература

- Агапов С. А. 1990. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Акишев К. А. 1959. Памятники старины Северного Казахстана // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана 7, 3–31.
- Ванчугов В. П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Галанина Л. К. 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА 3, 156–165.
- Грязнов М. П. 1980. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука.
- Ермолаева А. С. 2008. Измайловский погребально-поминальный комплекс начала эпохи ранних кочевников из Восточного Казахстана // Изв. НАН Республики Казахстан, серия общественных наук 254, 83–100.
- Зданович Г. Б., Шрейбер В. К. 1991. Переходные эпохи в археологии: к методике исследования // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.: ЛОИА, 88–92.
- Исмагилов Р. Б. 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ 29, 29–47.
- Качалова Н. К. 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Басин С. Г. (ред.). Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: КуйбГПИ, 28–59.
- Кардыбаев М. К. 1974. Могильник Жиланды на реке Нуре // Акишев К. А. (ред.). В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 25–45.
- Лесков А. М. 1975. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Лукьяшко С. И. 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краеведческий музей.
- Махортых С. В. 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях.
- Мелюкова А. И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука.
- Мелюкова А. И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.: Наука.
- Мурзин В. Ю., Клочко В. И. 1987. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Черненко Е. В. (ред.). Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 12–19.
- Отрощенко В. В. 1979. О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья // Ковалева И. Ф. (ред.). Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 86–87.
- Савинов Д. Г., Членова Н. Л. 1978. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Окладников А. П. (ред.). Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 72–94.
- Тощев Г. Н. 1992. Будуржель — могильник белозерской культуры в Нижнем Подунавье // РА 3, 19–30.
- Хазанов А. М. 2002. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс.
- Шарафутдинова Э. С. 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Басин С. Г. (ред.). Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышевский пед. ин-т, 146–183.
- Шилов В. П. 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука.
- Makhortkykh S. V. 2003. The Northern Black Sea steppes in the Cimmerian epoch // Scott E., Alekseev A., Zaitseva G. (eds.). Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 35–44.